

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Незванный
гость*

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ
ЕО
ПРОГРАММА
ТЕЛЕВИДЕНИЯ

2004

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Алмазная лихорадка

«Научная книга»

Серова М. С.

Алмазная лихорадка / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марина Серова

Алмазная лихорадка

Глава 1

Они подкараулили меня во время утренней пробежки. На улице еще висела неуютная тьма и уныло светили ночные фонари. В такой час хочется плотнее завернуться в одеяло, покрепче сжать веки и погрузиться в спасительную дремоту, в сладкую пучину лени, чтобы никогда оттуда не выныривать. Но я отвергаю этот соблазнительный вариант, отбрасываю в сторону одеяло и вылетаю из теплой постели, точно выброшенная катапультой.

Моя профессия – телохранитель, и поэтому мое собственное тело должно быть всегда безотказным и полным энергии, как взведенная часовая пружина. Поэтому каждый день я неукоснительно поднимаюсь рано утром и бегу через просыпающийся город, не обращая внимания ни на дождь, ни на снегопад, ни на тайфуны с цунами. Сделав десять-двенадцать километров, я возвращаюсь домой и еще минут сорок посвящаю изматывающим физическим упражнениям. По вечерам я занимаюсь силовыми единоборствами и стреляю в тире, но это уже другой разговор. А в тот день я, как обычно, натянула на себя спортивный костюм – желтый с красным – и, стараясь не разбудить тетю Милу, которая еще сладко, с присвистом, спала в своей комнате, вышла на улицу.

Холодный воздух был наполнен мельчайшими капельками влаги, мерцающими в тусклом свете. Одинокие нахохлившиеся дворники сметали в хрупкие пирамиды золотую листву, которая за ночь щедро усыпала сырые тротуары.

Ковер из палых листьев был настолько толстым, что на бегу я не производила шума.

Добежав до первого угла, я пересекла мостовую и оказалась на аллее сквера, тянущегося вдоль соседней улицы на протяжении многих кварталов. По краям аллеи, под развесистыми, уже почти голыми деревьями стояли лавочки, на которых в жаркие дни отдыхают пенсионеры и целуются влюбленные. Сейчас лавочки были пусты – охотников сидеть на мокрых досках в предрассветный осенний час бывает немного.

И тем не менее один чудак, кажется, нашелся. В конце аллейки, у выхода, под горящим фонарем сидел мужчина в светлом плаще и темной кожаной кепке. Я бежала в его сторону, а он с большим интересом за мной наблюдал.

То, что он расположился в круге света, говорило в его пользу. Человек, задумавший худое, обычно старается держаться в тени. Однако, приближаясь к незнакомцу, я внутренне собралась, как если бы на самом деле ожидала нападения. Только такая линия поведения способствует нашему физическому и профессиональному долголетию.

За оградой сквера около тротуара была припаркована голубая скромная «Ока». В автомобиле никого не было. Не сводя глаз со странного мужчины, я бежала посередине аллеи, пока не поравнялась со скамьей, на которой он сидел. Не меняя позы, мужчина негромко меня окликнул.

– Простите, вы не могли бы уделить мне одну минуту?

Я остановилась. Мужчина медленно поднялся со скамейки и вынул из карманов руки – он всем своим видом старался подчеркнуть благонамеренность и миролюбие. Я вопросительно посмотрела на него. Он был атлетически сложен, с мужественным широкоскулым лицом. Можно было голову дать на отсечение, что за его плечами не один год усиленной боевой подготовки. Скорее всего, он был военным или, на худой конец, охранником.

– Скажите, вы случайно не Охотникова? – спросил мужчина. – Евгения Максимовна?

Я не кинозвезда и не гоняюсь за популярностью. Когда меня узнают на улице, я испытываю досаду, а не удовольствие.

– Охотникова, – не слишком любезно подтвердила я, внимательно изучая лицо неведомого поклонника. – И, надо сказать, совсем не случайно. Потому что мой папа носит фамилию Охотников.

Мужчина смущенно улыбнулся.

– Я просто неудачно выразился, – сказал он. – Разрешите представиться – Ребров Сергей. Работаю в службе безопасности фирмы «Тандем». Убедительно прошу вас проехать сейчас со мной. Шеф нуждается в вашей помощи.

Ребров достал из внутреннего кармана плаща визитную карточку и протянул мне. Это был кусочек твердого мелованного картона, на котором золотом было вытеснено: «Капустин Валерий Витальевич. Генеральный директор ЗАО „Тандем“. Крупнооптовые поставки».

– Что за необходимость ловить меня, как зайца, в парке ни свет ни заря? – ворчливо поинтересовалась я. – Вы срываете мне режим.

– Все издержки будут вам возмещены, – предупредительно сказал Ребров. – А необходимость такая существует – Валерий Витальевич объяснит ее причины, – тут он опять улыбнулся и добавил: – А что касается режима – вы же не придерживаетесь его, когда подворачивается какое-то сложное дело? Сегодня оно как раз подвернулось...

– Это мне решать – подвернулось оно или нет, – категорически заявила я. – Я не работаю в фирме «Тандем».

– Это верно, – кивнул Ребров и деликатно напомнил: – Но, кажется, в последнее время у вас вообще было не слишком много работы?

Тут он был прав. У меня был некоторый период застоя, и это начинало сказываться на моем материальном положении.

– Соглашайтесь, – простодушно сказал Ребров. – Хозяин хорошо платит.

Я усмехнулась. Мне нравился этот корректный крепкий парень. Такое сочетание качеств встречается нечасто. Обычно присутствует что-то одно.

– Ну что ж, – произнесла я великодушно. – Вы умеете уговаривать. Считайте, что и меня уговорили. Где ваша машина? Неужели вот эта крошка?

– Нам желательно не бросаться в глаза, – серьезно объяснил Ребров. – Эту машину я взял на утро у товарища. Сам-то я езжу на «Тойоте», – с затаенной гордостью прибавил он.

Мне, собственно, было все равно, на чем ехать. Я предпочла бы сейчас на своих двоих окончить положенную дистанцию, но когда люди нуждаются в моей помощи, я не могу отказать, особенно если они при этом хорошо платят.

– Куда едем? – поинтересовалась я, когда мы уселись в игрушечный салон народного автомобиля.

– На одну частную квартиру, – пояснил Ребров, заводя мотор, и не удержался, чтобы не добавить: – Шеф может позволить себе держать квартирку-другую про запас. Он очень деловой мужик, сами увидите!

Что ж, может, и деловой, но, похоже, дела у него сейчас идут не очень гладко – иначе зачем ему я и такие меры предосторожности? Мы ехали не слишком долго и вскоре оказались во дворе, образованном тремя стоящими буквой П домами, выстроенными в последние годы, – из гладкого желтоватого кирпича, с вычурными полукруглыми балкончиками и башенками по углам. Ребров подвел машину к одному из подъездов и остановился. Мы вышли.

Нажав кнопку домофона, мой спутник назвался. Замок щелкнул, и дверь открылась. Мы вошли в подъезд, сверкающий непривычной, почти больничной чистотой, и поднялись в лифте на седьмой этаж.

– Шеф любит цифру «семь», – сообщил мне Ребров значительно. Кажется, любая причуда хозяина вызывала в нем неподдельный восторг.

Однако господин Капустин произвел и на меня выгодное впечатление. Хотя бы уже тем, что встретил нас на лестничной площадке и галантно подал мне руку, помогая выйти из кабинки.

– Счастлив вас видеть, Евгения Максимовна, – довольно искренне произнес он и жестом предложил проследовать в квартиру. – Приношу тысячу извинений за доставленное беспокойство...

Извинениями ты не отделаешься, подумала я, входя в конспиративную квартиру. Интересно, для чего она обычно используется – для секретных совещаний или все-таки для тайных свиданий? Впрочем, следов пребывания здесь женщины я не заметила. Жилище было отделано по европейским стандартам, как сейчас принято у деловых людей, но интерьер был выдержан в строгих, даже аскетичных рамках, и его оживляло лишь ослепительно яркое пятно телеаквариума размерами два на полтора метра, где в толще неправдоподобно синей виртуальной воды лениво перемещались диковинные пестрые рыбины.

– Прошу вас, – сказал Капустин, указывая на кресло, и заботливо осведомился: – Кофе? Коньяк?

– Спасибо, ничего не нужно, – ответила я. – Лышу себя надеждой закончить утреннюю пробежку. Надеюсь, мы не засидимся слишком долго?

– Думаю, нет, – сказал Капустин. – Я постараюсь быть кратким. Однако завидую вашей силе воли, – улыбнувшись, признался он. – Сам я давно бросил следить за своей формой. Слава богу, у меня есть возможность пользоваться автомобилем – за троллейбусом мне уже не угнаться...

Пожалуй, он немного лукавил. Несмотря на свой возраст – а ему было на вид лет пятьдесят, – он не казался ни обрюзгшим, ни больным. Он был худощав, подтянут и упруг в движениях. Единственное, что выдавало его, – синяки под глазами и слегка покрасневшие белки – видимо, ему часто приходилось засиживаться допоздна.

– Что ж, – продолжал Капустин. – Раз вы наотрез отказываетесь от угощения, перейдем сразу к делу.

Он машинально взял из коробочки со стола узкую длинную сигару. На нем был дорогой костюм из тонкой серой шерсти, серебристый галстук от Диора, а когда он потянулся за зажигалкой, на манжете блеснула золотая запонка с двумя небольшими бриллиантами. Удачливый делец угадывался в каждом его движении.

– О, простите, – спохватился он, выпуская изо рта облако сигарного дыма. – Я так взволнован, что забыл попросить у вас разрешения. Вы позволите?

– Ну разумеется, – пожала я плечами. – Почему я должна запрещать вам курить в вашем собственном доме?

– Вот и отлично, – кивнул головой Капустин. – Значит, к делу! Евгения Максимовна, мне рекомендовали вас как опытного и обладающего исключительной подготовкой телохранителя. Полагаю, меня не обманули?

– Если вы согласны считать учебу в «ворошиловском университете» и службу в спецподразделении КГБ исключительной подготовкой, то тогда все правильно, – холодно ответила я.

Капустин замахал руками.

– Ради бога, не обижайтесь! – сказал он. – Просто так странно видеть в вас – такой привлекательной молодой женщине – эдакого бойца-ниндзя...

– Мне тоже странно, что вы увидели во мне бойца – ниндзя, – заметила я. – Вы давно были последней раз у своего окулиста?

Капустин рассмеялся.

– Вы поставили меня на место! – весело сказал он. – Действительно, я говорю чепуху. Но я в самом деле немного расстроен. У меня возникли существенные проблемы, которые я

надеюсь разрешить, и отчасти – с вашей помощью... Сергей, наверное, уже объяснил вам, кто я и чем занимаюсь?

– Да, я видела вашу визитную карточку.

– Видите ли, – осторожно сказал Капустин, – мы живем в такое время, когда приходится рисковать. Состояния без риска не сколотишь – вы понимаете, о чем я? Не буду скромничать, я многого добился. Мне удалось основательно закрепиться на рынке. Я торгую лесом, металлом... Я действую по всей стране, имею связи и за границей. Положение у меня прочное. Но... У меня есть конкуренты, которые следят за каждым моим шагом. Любая оплошность в одночасье может обернуться крахом. То же самое – государственные структуры. Попробуйте сохранить баланс между соблюдением закона и получением прибыли! В полной мере этого не удастся никогда. Такова наша реальность.

– Нельзя ли поконкретнее? – напомнила я. – Если вы решили довериться мне, то давайте не будем ходить вокруг да около. О трудностях современного бизнеса я наслышана.

Капустин положил сигару в пепельницу, пятерней пригладил волосы. Видно было, что признание дается ему с трудом.

– Мой конкурент перешел к решительным действиям, – сообщил он наконец. – Кто он – вам знать не обязательно. Это мой бывший друг. Мы вместе начинали. Но он предпочел склониться в сторону, скажем так, откровенно криминального бизнеса. Я всегда хотел работать спокойно. Жизнь показала, что я был прав. Но теперь возникла ситуация, когда меня можно легко дискредитировать... Видите ли... – он почему-то оглянулся. – Кроме официально регистрируемых сделок, я занимался и еще кое-какими делами... Надеюсь, это останется между нами. В общем, среди всего прочего, я торговал алмазами. Я закупал их в Сибири и через надежных людей продавал за границу. Однако теперь в моей фирме завелся стукач. Об алмазных сделках стало известно конкуренту – сейчас он делает все, чтобы подставить меня. У него великолепная для этого возможность – на днях я должен получить партию алмазов. Последнюю, потому что бизнес этот я сворачиваю. Но от этой партии отказаться не могу – все уже обговорено. Нельзя подводить людей.

– Не понимаю, какая моя роль в этой комбинации? – удивилась я. – Нейтрализовать стукача?

– Нет-нет, – быстро сказал Капустин. – Его вычисляют мои люди. И они, конечно, вычислят его – это вопрос времени. Но информация уже ушла. По некоторым сведениям, мой конкурент принимает все меры, чтобы перехватить у меня груз или, по крайней мере, сделать так, чтобы груз перехватили правоохранительные органы. Тогда на моем бизнесе можно будет поставить крест.

– Кажется, я догадываюсь, – удовлетворенно сказала я. – Вы хотите взять меня в качестве прикрытия?

– Вот именно! – обрадовался Капустин. – Курьер с товаром будет ждать моих людей в Коряжске. Это маленький уральский городок. Мы имеем с ним постоянные контакты, потому что там производятся электромоторы, которыми мы тоже торгуем. Мой представитель выезжает туда послезавтра. Это мой родной брат – Капустин Анатолий Витальевич. Вместе с ним также поедет курьер с деньгами. Его здесь никто не знает. Он только завтра прибывает из Москвы. Вас тоже не знают. Есть шанс, что нам удастся обмануть бдительность конкурента.

– А какие, собственно, меры принимает этот самый конкурент? – полюбопытствовала я.

– Он, по нашим сведениям, нанял группу боевиков-отморозков, отъявленных мерзавцев. Если они вас раскусят, можно ожидать всего.

– Сколько их будет?

– Это мне неизвестно, – с сожалением ответил Капустин. – Риск, конечно, очень велик. Тем более что невозможно направить в Коряжск большую группу – это выдаст нас с головой. И потом, я еще не нашел предателя. Я вынужден полагаться на вас троих. Разумеется, вы должны

избегать контакта с официальными органами. Именно поэтому я сразу отверг вариант с самолетом. Ехать нужно на поезде.

– Как вы собираетесь платить?

– Я слышал, вы берете тысячу в сутки? – отозвался Капустин. – Я заплачу вам тысячу двести. Плюс премия в пять тысяч в случае неудачи и десять – если доставите груз.

– Вы оплачиваете неудачи? – с иронией уточнила я.

– Только те, которые не становятся достоянием гласности, – без тени улыбки ответил Капустин. – Надеюсь, мы понимаем друг друга.

– Мне нужен аванс, – решительно заявила я.

– Разумеется! – Капустин вздохнул с видимым облегчением и полез в карман за бумажником. – Я, честно говоря, боялся, что вы откажетесь...

– В следующий раз обязательно откажусь, – сказала я. – Но раз вы обещаете больше никогда этого не делать...

Капустин извлек из бумажника несколько хрустящих купюр, железнодорожный билет и, протягивая мне, сказал с какой-то безнадежной тоской:

– Эх, Евгения Максимовна! Вы, в сущности, счастливый человек, вам не понять, какой это соблазн... Алмазы, уран, красная ртуть, да мало ли... Коготок, как говорится, увяз – всей птичке пропасть! Такая уж наша судьба!

Я расстегнула «молнию» на кармане и небрежно сунула туда свой аванс.

– И все-таки, – уточнила я. – Кого персонально мне поручается оберегать – вашего брата или москвича?

– Обоих, – ответил Капустин. – А прежде всего – чемоданчик с грузом. На обратном пути его надо будет доставить не сюда, а в Сызрань. Там будут встречать... Анатолий вам все объяснит. И если не дай бог... В общем, груз должен быть доставлен на место во что бы то ни стало, Евгения Максимовна... – Он отошел к окну и тревожно окинул взглядом двор. – Кстати, забыл предупредить: брат мой – человек сложный, вам с ним будет трудно, но прошу вас отнестись к нему со снисхождением, ладно?

– Может быть, стоит тогда предупредить и вашего брата, что я человек не менее сложный? – предложила я. – Чтобы снисхождение было обоюдным...

– Я непременно сделаю это, – серьезно пообещал Капустин.

– А что, неужели этот бизнес стоит того, чтобы испытывать из-за него такие тревожения? – поинтересовалась я.

– О, еще бы! – подтвердил Капустин, поднимая значительно брови. Затем мы очень мило распрощались, и вежливый Сергей отвез меня обратно на то место, где взял. Прощаясь, он приложил два пальца к козырьку кожаной кепки. Я помахала ему рукой и неторопливо побегала по направлению к дому.

Небо заметно светлело. Один за другим гасли фонари. Со звоном выползали из парка пустые трамваи. Ветер обрывал с деревьев последние желтые листья. Я подумала, что за Уралом наверняка уже выпал снег, и от этой мысли сделалось неуютно.

Однако хруст бумажек в кармане придал мне уверенности. Этот нежный специфический звук всегда действовал на меня благотворно – может быть, в силу высокой степени защиты, которой обеспечена продукция такого рода.

Хотя меня и лишили сегодня пробежки, положенные силовые упражнения я выполнила от начала и до конца. Приняв душ, я отправилась на кухню завтракать, где меня ожидали тетя Мила и кофе с рогаликами.

– На твоём лице ничего нельзя прочесть, – объявила мне тетушка. – Из этого я заключаю, что у тебя появилось новое дело.

– Я отправляюсь в путешествие.

– Путешествие будет опасным? – поинтересовалась тетушка.

– Надеюсь, – ответила я.

Тетя Мила покивала головой.

– Это хорошо, – глубокомысленно заявила она. – Это тебя развлечет. На наших железных дорогах можно подохнуть от скуки.

– Не волнуйся, – сказала я. – На этом направлении скучать не придется.

Глава 2

Путешествие не понравилось мне с самого начала.

В день отъезда я пришла на вокзал за полчаса до отправки поезда и, обосновавшись за ресторанным столиком у окна, выходящего на перрон, принялась наблюдать за посадкой. Особенно меня интересовал четвертый вагон, номер которого был указан в моем билете. Попутчиков своих я не знала в лицо. Это объединяло меня с теми отпетыми мерзавцами, которых опасался Капустин, и я попробовала взглянуть на ситуацию их недобрыми глазами. Меня интересовало, действительно ли наша миссия имеет шансы пройти незамеченной.

На улице с утра лил непрекращающийся осенний дождь, небо от горизонта до горизонта было затянуто свинцовыми тучами, и поэтому на перроне не отмечалось обычного столпотворения. Немногочисленные провожающие, прикрываясь блестящими от влаги зонтами, наскоро чмокали отъезжающих в мокрые щеки и поспешно отступали под спасительные своды вокзала.

Не могу поклясться, что в мое поле зрения попали какие-то подозрительные личности, подходящие под определение «отморозки», но вот одного из своих вероятных коллег я, кажется, определила сразу.

Его появление на перроне было обставлено в худших традициях стандартных голливудских боевиков. Он вынырнул из полосы дождя – невысокий, плотного телосложения, в надвинутой на нос кожаной кепке и с поднятым до ушей воротником плаща. Перрон он пересекал торопливым отчаянным шагом, будто погоня уже висела у него на плечах. При этом он беспрестанно и подозрительно озирался по сторонам, одновременно стараясь как можно глубже упрятать в воротник свое хмурое лицо. Но верхом идиотизма был его багаж – белый стальной кейс с секретным замком, с помощью наручников пристегнутый к левому запястью мужчины. Думаю, во всей округе не было человека, которому не бросился бы в глаза этот чемоданчик.

Я была почти уверена, что мужчина с кейсом обзавелся по такому случаю и каким-нибудь тяжелым пистолетом, если не автоматом с укороченным стволом, потому что без крупного калибра гангстерских фильмов не бывает.

Идею взять с собой в дорогу огнестрельное оружие сама я отвергла сразу. Не хотелось рисковать – нашей задачей было уклоняться от контактов, а не доказывать где-нибудь на промежуточной станции скучающим милиционерам подлинность лицензии и непричастность моего револьвера к прошлогоднему убийству телеграфиста на разъезде Заячьего Горка. На этот раз я отдала предпочтение оружию холодному и бесшумному – баллончик с газом, разрядник с запасом бодрящего электричества, стилет, спрятанный в трости зонта.

Зонт этот висел сейчас на спинке стула. С виду он ничем не отличался от обычных зонтов, но при нажатии специального предохранителя выбрасывал из трости узкое десятидюймовое лезвие – чем-то подобным орудовали в забавном французском фильме «Укол зонтиком». Мне упражнения с выскакивающими стилетами совсем не кажутся забавными, и еще накануне я очень надеялась, что нам удастся обезопасить поездку лишь за счет благоразумия и предусмотрительности.

Театральный проход человека с чемоданчиком, кажется, перечеркнул мои надежды. Впрочем, оставалась еще вероятность, что этот герой вовсе не из нашей драмы, и я, расплатившись за нетронутый мной заказ, отправилась на посадку.

Равнодушная проводница проверила билет и посторонилась, пропуская меня в тамбур. Над мокрой вокзальной крышей забубнил динамик, объявляющий отправление нашего поезда, – голос казался тоже сырым и простуженным. Я в последний раз оглянулась на перрон и заметила двоих опоздавших.

На пассажиров они были не очень похожи, потому что не имели при себе никакого багажа, однако они явно спешили на поезд, потому что направлялись нетерпеливой трусцой

в сторону седьмого или восьмого вагона. На ходу они махали руками и, кажется, вяло переругивались между собой. Один из них был одет в элегантный голубой плащ, из-под которого выглядывал воротничок ослепительно белой сорочки с узлом тщательно повязанного галстука. Над головой он держал большой черный зонт, которым не столько спасался от дождя, сколько прикрывал лицо – я так и не сумела его как следует разглядеть. Второй, одетый в кожаную куртку, был на голову выше своего спутника, шире в плечах и лица не прятал. Он вызывающе и зло посматривал по сторонам маленькими пороссячими глазками, и дождь отскакивал от его белобрысой, стриженной под ноль головы, как от полированного чурбака. Если бы мне в этом городе понадобился вдруг отъявленный отморозок, то лучшей кандидатуры и придумать было нельзя.

Проводница оттеснила меня в глубь тамбура и с лязгом опустила откидную площадку. Что произошло дальше со странной парочкой, я уже видеть не могла и отправилась в свое купе.

Номер купе был четвертый. Была ли это игра случая или номер подбирался специально, для простоты запоминания, – не знаю. Я также не знала, присутствует ли в купе посторонний, поэтому решила на всякий случай постучать. Дверь открылась сразу.

Передо мной стоял мужчина лет сорока пяти в дорогом костюме. Чертами лица он неуловимо походил на господина Капустина, но был крупнее и выше ростом. Взгляд у него был властный и самоуверенный до тошноты. Смерив меня этим взглядом, он коротко бросил: «Проходите!» – и тут же запер за мной дверь.

Я шагнула в купе и поставила на сиденье свой чемодан. Мои худшие ожидания начинали, к сожалению, оправдываться. Третьим пассажиром в купе был парень со стальным кейсом. Наручники он, слава богу, отстегнул, и сам чемоданчик куда-то уже благополучно исчез, но этот факт ненамного улучшил мое настроение.

– Вы – Охотникова? – спросил мужчина в костюме и, получив утвердительный ответ, скептически покачал головой. – Не знаю, что это брату взбрело в голову... Ну что ж, делать нечего, будем знакомиться, – он поклонился. – Капустин Анатолий Витальич, к вашим услугам.

Как же, подумала я, дождешься от тебя услуг! Всем своим видом он давал понять, что мое появление здесь случайно и он согласен меня терпеть только из уважения к старшему брату. На меня это не произвело особого впечатления – нанимал меня не он. Улыбнувшись Капустину, я вопросительно посмотрела на второго пассажира, который недоверчиво разглядывал меня, не потрудившись даже приподняться с полки.

– Чижов! – буркнул он с такой неохотой, будто раскрывал семейную тайну.

Он вообще, по-моему, был страшный конспиратор. Его колючие, глубоко посаженные глаза никогда не меняли вызывающего подозрительного выражения. Двигался он пританцовывая и чуть сутулясь, инстинктивно прикрывая плечом нижнюю челюсть. Видимо, лучшие годы он провел на ринге, о чем свидетельствовал и слегка сплюснутый, асимметричный нос. Роста он был небольшого, но этот недостаток с лихвой компенсировался объемом и мощностью его торса. Трудно было судить, насколько он сохранил подвижность и гибкость, но уж ударчик-то у него, я думаю, и ныне такой, что не приведи господь!

Однако он, как и предполагалось, надеялся не только на силу своих кулаков. Его кургузый темно-синий пиджак заметно топорщился на левом боку, вызывая довольно определенные ассоциации. Меня только смущали значительные размеры предмета, спрятанного под пиджаком, и я никак не могла угадать, что это – не «кольт» же времен Буффало Билла и битвы у Литл-Биг-Хорн!

– Больше никого не будет? – осведомилась я, кивая на четвертую полку.

Капустин отрицательно покачал головой.

– Нет. Купе закуплено полностью, но поедем мы втроем. Видите, все предусмотрено! – сказал он, а потом с некоторым беспокойством спросил: – Вы, вероятно, будете претендовать на нижнюю полку? Сейчас я вам объясню, почему это невозможно. Дело в том...

– Я буду претендовать только на роль вашего телохранителя, – холодно отпартовала я. – Полка меня устроит любая. На верхней будет даже удобнее.

У господина Капустина камень свалился с души. Он добродушно посмеялся и сделался любезен настолько, что даже поднял на багажную полку мой чемодан. После такого подвига он опять посерьезнел и значительно произнес:

– Прошу только учесть – все вопросы решаю я. Лично. Никакой самостоятельности! И вообще... держитесь-ка вы в сторонке, а? Так, по-моему, будет лучше для всех.

– Значит, вы считаете, что мое присутствие здесь неоправданно? – с интересом спросила я.

– Абсолютно! – отрезал Капустин-младший.

Видимо, он чувствовал себя в этот момент всесильным и мудрым магнатом.

– В таком случае, – невинно заявила я, – на ближайшей станции я выхожу. А вы потрудитесь дать брату телеграмму, что отказываетесь от моих услуг, дабы не было никаких недоразумений.

Капустин на секунду растерялся. Он бросил на меня быстрый неуверенный взгляд и сразу перестал быть похожим на магната.

– Э-э... вы не совсем меня поняли, – протянул он досадливо. – Если брат считает нужным... Просто я не вижу необходимости... То есть особой необходимости. Мне не впервой решать такого рода проблемы. Господин Чижов тоже... бывал в таких переделках! Я полагаю, мы предприняли достаточные меры предосторожности...

– Например, продемонстрировали всему миру чемоданчик, прикованный к телу цепями! – подхватила я. – Это же цирковой номер! Неужели нельзя было пронести его в какой-нибудь невзрачной сумке?

Капустин с изумлением вытаращился на меня.

– Да вы представляете себе, – вскричал он, – какая там сумма денег?!

– Нет. Не представляю, – сухо ответила я. – Но, когда я вижу наручники, я начинаю думать, что очень большая. И невольно начинаю размышлять – кто ее несет, куда и откуда... Со всеми вытекающими последствиями...

– Ну-у, – недоверчиво покачал головой Капустин. – Носить такие деньги в хозяйственной сумке? Так не делается...

– В общем, если на вокзале все-таки присутствовал кто-то из людей вашего конкурента, – сказала я, – считайте, что вы засветились. Они мимо такого факта не пройдут. И конспирация ваша – коту под хвост!

Капустин недовольно посмотрел на меня, а потом обернулся к Чинову и спросил:

– Ну что скажешь?

Тот заерзал на сиденье, ожег меня мрачным взглядом и сипло проговорил:

– Да ладно... В шпионов играем, что ли? Меня здесь не знают, ты, Анатолий Витальич, садился без груза... Чего волну гнать? Когда до них дойдет – мы уже в Коряжске будем.

Выслушав этот успокоительный доклад, Капустин заметно повеселел.

– Я тоже так думаю, – сказал он и опять обратился ко мне с некоторым беспокойством в голосе: – А, кстати, насколько глубоко мой брат посвятил вас в наши проблемы?

– Достаточно глубоко, – ответила я.

– Это странно, – заметил Капустин. – Почему он так вам доверился?

– У меня прочная репутация, – парировала я. – И большой опыт. А ваши проблемы весьма серьезные.

– Мы привыкли решать любые проблемы, – напыщенно произнес Капустин, и они с Чиновым негромко рассмеялись.

Он был непрошибаем. В своей самоуверенности он доходил до легкомыслия. Впрочем, как родственник он, конечно, был вне подозрений, а именно это было сейчас главным.

– У меня к вам тоже вопрос, – сказала я. – При посадке вы ничего необычного не заметили?

– Совершенно! – отрубил Капустин. – Все прошло гладко. Кстати, и на чемоданчик, так вас взволновавший, никто и внимания не обратил.

– А я в этом не уверена...

И я рассказала им о странной парочке, едва не опоздавшей на поезд.

– Не стоит ли предположить, что их срочно вызвал тот, кто, возможно, наблюдал за вашей посадкой? – заключила я.

– Вы преувеличиваете, – поморщился Капустин. – Впрочем, мы будем бдительны. Вместе из купе не выходим и посторонних не пускаем. Время пролетит незаметно. Завтра к вечеру мы уже будем в Коряжске.

Время, однако, тянулось невыносимо нудно. За окном поезда проносились бесконечные голые степи, потемневшие от дождя. Иногда пейзаж оживляла какая-нибудь деревенька, нахохлившаяся и неуютная, и снова тянулась унылая степь без конца и края.

Капустин, разложив на столике документы, с головой погрузился в их изучение. На меня он не обращал никакого внимания и в разговор не вступал. Он был из тех мужчин, для которых деловая карьера превыше всего.

Чижов тоже все время молчал, терпеливо глядя в окно. На лице его ничего не отражалось – он то ли спал с открытыми глазами, то ли вспоминал свои славные деньки на боксерском ринге.

О такой веселой компании я и мечтать не могла. Начинали сбываться худшие пророчества тети Милы о скуке наших железных дорог. Я же не потрудилась захватить с собой даже паршивенького детектива. Если события и дальше собирались развиваться в таком же духе, к концу путешествия я просто впаду в летаргический сон.

Но все переменилось очень скоро. Подошло время обеда, и Капустин, сложив аккуратно бумаги, объявил, что отправляется в вагон-ресторан. Я вызвалась сопровождать его, но он, не удостоив меня даже взглядом, покровительственно сказал:

– Из соображений все той же безопасности нас не должны видеть вместе! Не собираетесь же вы провожать меня, скажем, в туалет?

– Почему бы и нет, если того требуют обстоятельства? – пожала я плечами.

Капустин встал и одернул пиджак.

– Я понимаю, вам нужно отрабатывать ваш гонорар, – сказал он ехидно, – но я уже предупредил, что решения здесь принимаю я, – и он с важным видом вышел из купе.

Чижов продолжал, набычась, смотреть в окно.

– Вы тоже считаете, что мое присутствие здесь не обязательно? – спросила я, чтобы завязать разговор.

Чижов зашевелился и, не поворачивая головы, сказал, немного смущаясь:

– Да ну! Чего... Баба есть баба, если уж откровенно. Баба должна детей рожать, на кухне, там... – он осторожно оглянулся на меня и умолк.

– А вы очень деликатны, – заметила я. – Много побед на ринге?

– Пятьдесят пять! – оживляясь, откликнулся он. – В семьдесят девятом я занял четвертое место по России, не помните?

– Мне было тогда девять лет, – успокоила я его. – Я не читала газет.

Он замолчал и разочарованно отвернулся. Я не стала продолжать беседу. Некоторое время мы просто сидели, вслушиваясь в усыпляющий стук колес. Потом я спросила:

– Кто следующий на очереди? – и, заметив недоумевающий взгляд Чиждова, уточнила: – Я имею в виду – на кухню. У вас, наверное, не принято пропускать баб вперед? Тогда я за вами.

– Да нет, – пробормотал он, – почему? Обедайте. Я не возражаю.

Однако с обедом пришлось повременить. В коридоре раздались торопливые шаги, и в следующую секунду Капустин, откатив тяжелую дверь, вошел в купе. На лице его были написаны сомнение и тревога. Ничего не сказав, он сел на нижнюю полку и в раздражении принялся выбивать пальцами дробь на пластиковой поверхности откидного стола.

– Что-нибудь случилось? – спросила я.

Капустин быстро взглянул на меня.

– Еще нет, – серьезно ответил он. – Но что-то мне не нравится... Опишите-ка еще разок тех двоих, что садились на поезд!

Я бесстрастно и подробно перечисляла все, что успела запомнить. Капустин слушал с напряженным вниманием, вся спесь с него уже слетела. Чижев наблюдал за нами с тревогой и пытался вникнуть в происходящее.

– Сейчас в ресторане, – отрывисто сказал Капустин, – я его видел. Бритого, с поросычьиими глазами... Я видел его первый раз в жизни, но он смотрел на меня, как на любимую тещу! И ушел из ресторана следом за мной.

– Он пошел в четвертый вагон? – спросила я.

– Нет. Я не видел, куда он пошел. Но это неспроста. На незнакомых людей так не пялятся. Правда, он вел себя вообще вызывающе – хамил персоналу, сидел за столиком один, никого не пускал... С виду – типичный уркаган. Неужели они нас засекли?

– Я вас предупреждала, – сказала я. – Но не стоит впадать в панику. Это может быть случайным совпадением. Нужно подождать. Если он от вашего конкурента – он будет вас искать. Тут мы его и прищучим.

– Никакого шума! – испугался Капустин.

– А шума и не будет, – возразила я. – Во всяком случае, превышающего допустимые санитарные нормы. Но мы должны выяснить, каковы их планы. Впрочем, повторяю, это может оказаться совершенно посторонний человек...

Капустин скептически покачал головой. Удивительный человек – его интересуют исключительно собственные мысли. Чужих он не воспринимает принципиально. Для бизнесмена это, по-моему, жидковато.

Я не стала больше его разубеждать и, попросив мужчин тщательно запереть за мной дверь и обговорив условный стук, пошла обедать. Знакомых лиц в ресторане я не заметила и, спокойно возвратившись в купе, отпустила в ресторан Чижева.

Он вернулся минут через двадцать и сказал, что ничего подозрительного в ресторане не заметил, но от здешней курятины у него наверняка будет изжога. Капустин в утешение пообещал по окончании операции сводить его в лучший московский ресторан.

– Плевал я на рестораны, – хмуро ответил Чижев. – У меня гастрит. Я на диете сижу.

– Что же ты не захватил с собой сумку с продуктами? – укорил его Капустин.

– Вторых наручников не было, – мрачно сказал Чижев. Он, оказывается, был не совсем лишен юмора.

Из купе мы не выходили до вечера. Смеркаться начало рано, и серый пейзаж за окном быстро залило непроницаемой чернотой, в которой тоскливо мерцали одинокие огоньки. В поезде включили электричество, а проводники без конца слонялись по коридору, разнося в гремящих подстаканниках свежесваренный чай.

События начали разворачиваться около восьми часов вечера. Мои попутчики, преодолев первую неприязнь ко мне, все-таки разговорились. Мы побеседовали о погоде, о преимуществах летней поры и уже перешли на темы спорта, когда в коридоре внезапно раздался шум.

Мы подняли головы и прислушались. Кто-то в конце коридора громогласно и бесцеремонно препирался с проводницей нашего вагона.

– Я, может, желаю в купе ехать! – надрывался противный и развязный мужской голос. – Могу себе позволить!

На мгновение он умолк, видимо, слушая объяснения проводницы, а потом завопил с новой силой:

– Не надо ля-ля! Знаю, как вы с местами химичите! – он шумно затопал по коридору и азартно, с угрозой предложил: – Хочешь – найду? Хочешь?

Я быстро встала и, приоткрыв дверь, чуть-чуть выглянула в коридор. Ошибки быть не могло – давешний отморозок с поросячьими глазками добрался до нашего вагона. Вероятнее всего, искал он Капустина и теперь методически обследовал одно купе за другим под предлогом внезапно возникшей тяги к комфорту.

Сейчас он ломился в первое купе, отталкивая плечом расстроенную проводницу, и отчаянно ругался.

– Я начальника поезда позову! – со слезами в голосе пообещала проводница.

– Ага, зови! – просипел мордovorот. – И скажи: если мне купе не найдет – я ему сразу в пятак!

Проводница беспомощно оглядывалась.

Я прикрыла дверь и с невинным видом обратилась к Капустину:

– Анатолий Витальич, там – Поросячьи Глазки. По-моему, вас ищет. Может, выйдете?

Капустин слегка побледнел и переглянулся с Чижовым. Тот изобразил на лице неопределенную гримасу.

– Что будем делать? – встревоженно спросил Капустин. – Запремся?

– Наоборот. Нужно его впустить, – убежденно сказала я, доставая из своего чемодана кусок прочного нейлонового шнура с петлей на конце. – Он все равно будет нас пасти. А так мы сможем из него что-нибудь вытянуть, – я взлетела на верхнюю полку и распорядилась: – Чижов, готовьте наручники! Анатолий Витальич, вы сядьте подальше от входа и ни во что не вмешивайтесь... Вы, Чижов, предложите сейчас этому уроду свободное место и, едва он войдет, постарайтесь его вырубить – вспомните семьдесят девятый год!

Мне было немного странно, что они не стали мне прекословить, но, может быть, в минуту опасности мозги у них работали лучше. Чижов, достав из-под сиденья наручники, положил их в карман пиджака и, откашлявшись, точно докладчик перед выступлением, выглянул в коридор.

– Это... Молодой человек! – сказал он неестественным голосом. – Иди к нам, тут есть место...

– А я чего говорил! – заорал молодой человек и загрохотал в сторону нашего купе.

Чижов слегка отступил назад и, сделав замкнутое лицо, недвусмысленно принял боксерскую стойку. Я спокойно залегла на верхней полке, держа наготове удавку.

Парень влетел в купе и с одного взгляда оценил ситуацию. Это было животное, идеально созданное природой для смертельных схваток, – мы не учли этого. Едва за его спиной хрястнула дверь, бритый неуловимым скользящим движением опустил в карман кулак и тут же его вынул, уже окольцованным никелированным кастетом.

Чижов не стал раздумывать и немедленно провел прямой левой в челюсть. Он почти достиг цели, но противник, демонстрируя отменную реакцию, отклонился назад и погасил удар.

Чижов добавил правой по корпусу, и парень отлетел, врезавшись спиной в дверь. Но он тут же оттолкнулся от нее и, заревев как бык, очертя голову бросился на Чижова. Боксер без труда закрылся от удара, но на его руках не было перчаток, и он остановил сталь кастета голой кистью. Я услышала короткий хруст ломающихся костей и увидела, как застыло лицо Чижова. Он невольно отступил на шаг и уперся в столик. Туша белокрысы метнулась вперед, сверкнул кастет.

И в этот миг, с хладнокровием ковбоя, заарканивающего на ферме годовалого бычка, я с высоты своего положения накинула на шею громилы нейлоновую петлю и стремительным движением затянула ее.

Он, впопыхах меня не заметивший вовсе, испытал мгновенное и жуткое потрясение. Неведомая беспощадная сила внезапно и непонятно сдавила смертельной хваткой его гортань. Он инстинктивно остановился и судорожно вцепился руками в отказавшее вдруг горло. Помоему, он хотел проверить, не испортилось ли что-нибудь в его организме.

Этого мгновения мне как раз хватило, чтобы перекинуть шнур через стальной крючок, вделанный в панель, и, используя его как блок, еще ту же затянуть петлю. Белобрысый захрипел и безвольно ткнулся вперед.

Чижову это было на руку. Не на ту, левую, что плетью висела вдоль его тела, а на правую, которая была в порядке, – в удар он вложил всю свою ненависть и досаду.

Бил он ниже пояса, что выглядело не совсем спортивно, но удивительно эффективно. Наш противник дернулся всей своей тушей, словно в агонии, и мешком повис на веревке, подогнув слабеющие колени. Он уже был без сознания. Я отпустила веревку, и громоздкое тело повалилось на пол, попутно шарахнувшись дважды головой – о столик и нижнюю полку.

Я соскользнула вниз и помогла Чижову застегнуть на запястьях бандита наручники. Потом я ослабила петлю и убедилась, что белобрысый еще дышит.

Тем временем Капустин лихорадочно и бестолково пытался опустить раму вагонного окна. Он был катастрофически бледен. Руки его тряслись. Наконец ему удалось справиться с окном, и в купе ворвался ледяной, пронизанный ночной сыростью ветер. Капустин по пояс вывалился из вагона, и его вырвало.

У меня есть хорошая привычка брать в дорогу аптечку, и мне удалось наложить на поврежденную руку Чижова довольно приличную шину. У него, по всей видимости, были перебиты пястные кости, но держался он стойко и только изредка шепотом матерился.

Пока я возилась с боксером, Капустин пришел в себя, утерся носовым платком, закрыл окно и, подняв сиденье, достал из своего багажника бутылку коньяка. Он отхлебнул прямо из горлышка, порозовел и обрел способность говорить.

– Какой кошмар! – сказал он, с непонятым выражением на лице меня разглядывая. – Вы что – в спецназе служили, что ли?

– Вроде того, – сказала я.

– Ну, дела! – покачал он головой. – От вас лучше держаться подальше... А что теперь с этим делать? – он показал на белобрысого, который все еще не пришел в себя.

– Во-первых, связать ноги, – ответила я. – Чижов, заприте-ка дверь!

Тем же нейлоновым шнуром я надежно связала громиле ноги и, поднявшись, продолжила:

– Во-вторых, нам всем нужно выпить, а в-третьих, снять с этого типа допрос. Остальное – по обстоятельствам.

Капустин не стал больше ничего спрашивать. На столе появились стаканы, и мы в полном молчании выпили, точно бойцы перед атакой. В это время зашевелился и застонал пришедший в сознание белобрысый. Он дергался, словно рыба, выброшенная на песок, и никак не мог понять, какая сила мешает ему подняться и отмолотить дешевых фраеров, лакающих в двух шагах от него дорогой коньяк.

Втроем мы подняли его тушу с пола и кое-как усадили на нижнюю полку, а сами, устроившись напротив, хорошенько осмотрели его. Выглядел он отвратительно – с лица его еще не сошла багрово-синюшная краска, и вдобавок при падении он рассек себе кожу на лбу и на правой скуле. Теперь из ран текла кровь, заливая почти все лицо.

– Ну, падлы... – с трудом выговорил парень и с тоской посмотрел на стальные браслеты, стягивающие его руки.

– Ты на Лукьяна работаешь? – вдруг спросил Капустин.

Парень ответил ему быстрым злобным взглядом.

Я пошевелила мозгами и вспомнила – «Лукьян», охранное агентство! По слухам, эти ребята занимались тем, что охраняли мелких предпринимателей. В основном от самих себя. Вот, значит, кто был главным конкурентом братьев Капустиных! Умеренный криминал против криминала убежденного. Обычный для нашего времени, но весьма неприятный конфликт.

Я достала из своего чемодана карту и принялась ее изучать. Все остальные с недоумением наблюдали за мной. Наконец я нашла что искала и, отложив карту, обратилась к отморожку:

– Что ты парень крутой, видно за версту. Поэтому не буду тебя стращать и уговаривать. Ты нам ничего, конечно, не скажешь.

Как бы подтверждая мои слова, белобрысый горделиво усмехнулся, и его пороссячьи глазки вызывающе засверкали.

– Я предлагаю тебе другой вариант, – как ни в чем не бывало продолжила я. – Минут через десять мы будем проезжать мост. Длина его шестьдесят-семьдесят метров. Внизу холодная река. Мы опустим тебя головой вниз из нашего окна и будем придерживать за ноги, чтобы ты мог полюбоваться речным пейзажем. А пока ты будешь отдыхать, мы возьмем у тебя интервью. Если захочешь – ответишь на наши вопросы. Но учти, времени у тебя будет немного – ровно на длину моста. Все понял? А теперь я продиктую вопросы, чтобы ты мог хорошенько подготовиться. Вот они: кто тебя послал? Кто твой спутник? Что планирует твой хозяин дальше? Вот, пожалуй, и все. Как видишь, вопросы несложные. Сложнее будет остаться в живых, упав с железнодорожного моста в реку, да еще в наручниках. Если, конечно, тебя зовут не Гарри Гудини...

Белобрысому имя Гудини ничего не говорило, но он задумался. Потом он сдержанно произнес:

– А ты баба центровая... – В его устах это прозвучало как изысканный комплимент. – Но ты прикинь, если я тебе все нарисую, мне, один хрен, не жить. У нас такого не прощают.

– Значит, выбираешь реку? – спокойно кивнула я. – Каждому – свое, как говорится. Анатолий Витальич, откройте, пожалуйста, окошко – у вас это хорошо получается. А то как бы нам мост не проехать. Кстати, – обернувшись я к пленнику, – хочу предупредить – если, висая за окном, начнешь кричать, звать на помощь – выкинем сразу и интервью брать не будем!

Он молча мрачно взглянул на меня. Капустин послушно поднялся и принялся возиться с рамой. На этот раз она поддалась ему значительно скорее. В купе снова завыл ночной ветер.

Белобрысый поежился, с тоской посмотрел в черный проем окна и вдруг сказал:

– Хрен с тобой! Записывай, начальник! Значит, так было дело. Вызывает меня Лукьян и дает фотку вот этого, – он кивнул на Капустина и тут же уточнил: – Ему один из «Тандема» стукнул, мол, наши на днях должны за камушками ехать... Ну, мы на вокзале и дежурили, пока этот, с фотки, не появился. Ну и еще нам сказали – большие бабки повезут. Я насчет этого лопухнулся, не видал, как он садился, – может, отлить как раз выходил... А этого чудака, – он кивнул на Чижова, – я сразу просек. На цепи шел, как кот ученый... Я шефу позвонил. Он мне в ответ – срочно в поезд и пасажи этого, с цепью, до самого Коряжска. Он ребят обещал в Коряжск прислать. Они на машинах туда сейчас гонят, человек десять. Только предупреждаю по-честному, – он обвел нас значительным взглядом. – У нас на такие дела только заводных ребят посылают... Смотрите, как бы вам не пожалеть потом! Да, и вот еще что! – продолжил он. – Шеф мне говорит: в «Тандеме» только что стукачка нашего накрыли. Ему срочно ответить нужно – возьми, говорит, и на него билет. Я послушался и чуть на поезд не опоздал из-за этого барбоса... Он теперь и нос высунуть боится... А я все искал, в какой норе вы зарылись, а вы сами меня нашли, – он еще немного подумал и сказал: – Вот и все, начальник. Сказке конец. Я только для вас ее рассказал, другим ее знать не обязательно, как ты думаешь?

– Думаю, не обязательно, – согласилась я. – А сейчас за хорошее поведение ты получишь конфетку и пойдешь гулять.

Отморозок посмотрел на меня недоверчиво, а я налила ему полный стакан коньяку и сама влила в глотку, точно сиделка у постели тяжелобольного. Когда глаза парня осоловели, я распутала шнур на его ногах и показала две вещи – ключ от наручников и шокер.

– Знаешь, что это такое? – спросила я.

Он кивнул.

– Сейчас я сниму с тебя браслеты и отведу в тамбур, – сообщила я. – Открою тебе дверь, и ты, как говорят поэты, сойдешь во мрак ночи. Если будешь рыпаться, то не сойдешь, а слетишь. Но, если будешь вести себя прилично, обещаю, что наша беседа останется между нами. Договорились?

Я сняла с него наручники. Но предварительно стащила с пальцев кастет. Отморозок проводил его печальным взглядом. С помощью полотенца он кое-как привел в порядок свое лицо и вопросительно уставился на меня.

– Анатолий Витальич, – попросила я. – Выгляните-ка в коридор – нам там никто не помещает?

Капустин открыл дверь и осторожно высунул голову наружу.

– Пусто, – сказал он удовлетворенно.

Я кивнула отморозку.

– Пошли, Рэмбо! И будь паинькой. А вы, Чижов, нас подстрахуйте.

Чижов поспешно встал, нежно погладил предмет, оттопыривающий его пиджак, и мстительно сказал:

– Ты мне клешню изуродовал, но правая-то у меня на месте. Будешь дергаться – я в тебе такую дыру просверлю – что тебе туннель под Ла-Маншем!

Парень посмотрел на него с вызовом. В другое время он непременно вступил бы в горячую дискуссию, но теперь обстоятельства были не на его стороне.

– Ступай вперед! – скомандовала я.

Отморозок, ссутулившись и опустив голову, вышел из купе. С шокером в руке я последовала за ним. Колонну замыкал Чижов. Мы вышли в тамбур. Грохот колес и лязг переходных площадок слышался здесь особенно резко.

– Откройте, пожалуйста, дверь, Чижов! – сказала я, протягивая ему железнодорожный ключ. Отправляясь в дорогу, я всегда захватываю его с собой – мало ли в какой момент может понадобиться сойти.

Чижов отпер дверь и рывком распахнул ее. Нас обдуло холодом и мелкими брызгами. В тусклом свете, падавшем из окна поезда, просматривалась крутая насыпь и голые верхушки деревьев, проносящиеся мимо. Отморозок поежился.

– Сначала чуть не задушили, – с обидой сказал он, – а теперь хотят, чтобы я вообще разбился на фиг!

– Если правильно прыгнешь, – успокоила я, – ничего с тобой не случится. Хуже будет, если мы выкинем твое бесчувственное тело сами. Оно не сумеет сгруппироваться...

Парень шмыгнул носом и подступил к краю площадки. Держась за поручни, он напряженно вгляделся в летящую под ногами землю. Ветер рвал на нем куртку и вышибал слезы из глаз. Наконец отморозок решился.

– Э-э-эх! – дико заорал он и, прибавив матерное словцо, которое звучало как крик о помощи, оттолкнулся от вагона.

Тело его понеслось в темноту, с глухим стуком ударилось о насыпь и, шурша гравием, покатилося вниз, к лесу.

– Все, – подытожил Чижов, всматриваясь в ночной мрак. – Остановка по требованию. Желающие слезли.

Мы вернулись в купе.

– Порядок, – сообщил Чижов, – мы снова одни.

– Не знаю, имеет ли это значение, – сказала я, – но на всякий случай хочу напомнить, что в поезде едет еще одно заинтересованное лицо...

Капустин вскинул голову.

– Ах ты, черт! Точно! – сказал он. – А я ведь чуть не забыл. Стукач! Нужно его найти!

– Дело к ночи, – урезонила я его. – Зачем тревожить людей? Завтра и найдем.

– Найдем, Витальич, – заверил Чижов.

Глава 3

Утром мы стали свидетелями необычного зрелища. Улеглись спать мы довольно поздно, потому что приводили в порядок купе, ликвидируя последствия кровавой схватки. Покончив с делами и отправив в окно мусор – кастет и грязные полотенца, мы еще долго не могли уснуть. У Чинова болела рука. Капустин тоже чувствовал себя неважно – привыкший властвовать и распоряжаться, он испытал психическое потрясение, попав в ситуацию, когда властвуют обстоятельства. Видимо, он все-таки преувеличивал, когда заверял меня, что подобные проблемы для него не новость.

Мне тоже не спалось – я прокручивала в голове возможные сценарии дальнейших событий. Под влиянием информации, полученной от белобрысого, ситуации складывались как на подбор, зловещие и напряженные. Поутру все казались хмурыми и неприветливыми. В купе царило молчание. Мы пили чай, принесенный проводницей, и старались не смотреть друг на друга. Наверное, нашему настроению способствовал и пейзаж за окном – туманный и холодный.

Мы проезжали Уральский хребет – величественные сосны, отвесные скалы, первый снег, набившийся в расщелины, серое небо над головой – все это выглядело грандиозно, но, на мой вкус, чересчур мрачно.

Какое-то время наш путь пролегал параллельно с автомобильной дорогой – ее гладкая лента в облаке полупрозрачного тумана тянулась меж горных отрогов в полусотне метров под нами.

Тут-то я и увидела нечто, меня поразившее, – из тумана на шоссе вдруг нарисовались два ярко-красных джипа, мчащиеся друг за другом на весьма приличной скорости.

– Эй, посмотрите! – сказала я. – Не наши ли заводные ребята так спешат?

Чинов и Капустин выглянули в окно. Они молча проводили глазами машины, которые, без труда обогнав наш поезд, скрылись за склоном горного хребта. Капустин откашлялся.

– У «Лукьяна» есть такие тачки, – мрачно сказал он.

Чинов вполголоса выругался.

– Все нормально, – заявила я. – Значит, наш поросенок не врал. По крайней мере, мы теперь знаем, что нас будут встречать.

– И что это нам дает? – скептически произнес Капустин. – Коряжск – город небольшой. Нас вычислят еще на вокзале. А уже утром в гостиницу должен прибыть курьер с товаром.

– Вы бронировали гостиницу? – поинтересовалась я.

– Да, два номера, – упавшим голосом сказал Капустин. – Одно – и двухместный.

– Многие из вашей фирмы в курсе этого заказа?

– Вряд ли. Но в Коряжске практически одна гостиница. Ошибиться трудно.

– Ничего, – сказала я. – Еще не все потеряно. Нас с Чиновым никто не знает. Мы уедем с вокзала по отдельности. Вы возьмете с собой пресловутый чемоданчик. Можете даже пристегнуть его к себе наручниками. Он все равно будет пустой. Деньги мы переложим в мой чемодан и поедем с Чиновым в гостиницу, как семейная пара. Вы зарегистрируетесь в одноместном номере, а мы вселимся в двухместный. Таким образом, мы сохраним с Чиновым инкогнито и всегда сможем вмешаться в события. Схема, конечно, не ахти, но другой у меня пока нет.

– Значит, отдаете меня на растерзание этим отморожкам? – неприязненно произнес Капустин. – А, между прочим, по договору вы должны меня охранять!

Я не стала напоминать, что одно время он намеревался самостоятельно решать любые проблемы, и постаралась по мере сил его успокоить:

– Разумеется, я буду вас охранять! Но, как распорядился ваш брат, основным объектом охраны является груз. Кстати, у нас нет возможности как-то предупредить курьера?

– В том-то и дело, что нет! – с отчаянием сказал Капустин. – Я даже не знаю, как он выглядит. Практически у нас односторонняя связь – поставщики только сообщают нам день и место, куда прибудет товар. Все остальное обговаривается при личной встрече.

– Откуда же они знают, к кому обращаться? – удивилась я.

– Фамилия и координаты, – коротко объяснил Капустин. – На эти встречи всегда ездили только брат и я.

– Понимаю, – сказала я.

Алмазный блеск, видимо, здорово ослепил их, если они так завязли в этой истории. Меня, впрочем, мало заботило их правовое падение – пусть этим занимаются представители нашей славной юстиции. Мне нужно было выполнить свою работу и получить премию, желательно повышенную.

Для успешной работы мне требовался максимум информации, и я предложила Капустину отправиться на поиски стукача. Он охотно согласился. Чижова мы оставили охранять купе.

Я предполагала, что интересующее нас лицо следует искать в плацкартном вагоне, и не ошиблась. Мы обследовали три из них и наконец в четвертом обнаружили беглеца.

Капустин, шедший впереди по узкому проходу между свисающих с верхних полок простыней, одеял и пяток в грязных носках, вдруг остановился и показал на человека, который, лежа на верхней полке, читал газету. Лица человека не было видно, но я сразу узнала висящий на крючке голубой плащ.

– А ведь я знаю, кто это, – негромко сказал Капустин. – Это Пряжкин из нашей бухгалтерии... Одно время он пользовался у брата большим доверием. Но потом они здорово поцапались – у Пряжкина много денег прилипало к рукам. Порвать с ним он так и не решился, и вот результат.

– Что будем делать? – спросила я.

Мы отошли немного в сторону, чтобы Пряжкин не мог нас заметить.

– Мне нужно с ним поговорить, – решительно заявил Капустин.

– Может быть, сделаем так... – и я изложила Капустину план, который пришел мне в голову. – Иначе он просто поднимет сейчас крик и наотрез откажется с вами разговаривать.

– Ну что ж, пожалуй, – согласился Капустин и отправился назад в купе.

Я же опять заглянула туда, где лежал коварный Пряжкин, и, изобразив на лице очаровательную улыбку, кокетливо обратилась к скучающим пассажирам:

– Товарищи мужчины! – жеманясь, сказала я. – Кто из вас поможет слабой девушке? Я вас очень прошу!

Пряжкин мгновенно убрал газету и с интересом уставился на меня. Выглядел он, надо сказать, скверно – бледноватый и с синяками под глазами.

– Я хочу поменаться, – стреляя глазками, объявила я. – У меня, представляете, купе, а там – одни мужчины! Мне так с ними неловко. Может быть, кто-то хочет поменаться на купе?

Пряжкин рывком поднялся, свесил с полки ноги.

– Да я бы, пожалуй, поменялся, – неуверенно сказал он. – Посмотреть только надо – может, у вас там одни алкаши едут – тогда извините!

Я так и знала, что он клюнет. Ему сейчас больше всего хотелось куда-нибудь спрятаться, скрыться с глаз.

– Ой, что вы! – улыбаясь, возразила я. – Там очень приличные люди. Но сами понимаете...

– Ну пойдете, пойдете, – сказал Пряжкин.

Он спрыгнул вниз и, сопя, надел штиблеты. С терпеливо-скучающим видом он отправился следом за мной и спокойно дошел до четвертого вагона. Когда же в ответ на мой стук

дверь открылась и за спиной Чижова Пряжкин увидел знакомую фигуру, он инстинктивно бросился бежать. Я перехватила его и, заломив ему руку за спину, втокнула в купе.

Пряжкин затравленно огляделся и без предисловий заявил:

– Я буду кричать!

Капустин поморщился.

– Бросьте, Пряжкин! Что вы себе вообразили? Мне просто нужно с вами поговорить.

Присаживайтесь.

Пряжкин враждебно взглянул на него, но все-таки сел.

– Что вам от меня надо? – вызывающе спросил он.

Капустин некоторое время с отвращением рассматривал его лицо, а потом спросил с издевкой:

– А куда это вы едете, Пряжкин?

– А какое вам до этого дело?! – возмутился изменник. – Я еду по личным делам, между прочим... к этой... к тетке своей еду!

– Вас так сильно потянуло к тетке, что вы даже зубной щетки не успели захватить? Бросьте валять дурака! Вашего бритого приятеля мы уже обезвредили, но перед смертью он нам все рассказал...

Блеф Капустина произвел на бухгалтера потрясающее впечатление. Он окончательно поблелел и едва не упал на пол. Я слегка поддержала его.

– Вы хотите нас утопить, Пряжкин, – с угрозой сказал Капустин, с удовольствием наблюдая за муками жалкого предателя. – Но учтите, если это случится, мы обязательно потянем вас за собой! Глубоко потянем – до самого дна! Захлебнетесь!

Пряжкин судорожно вздохнул и отер носовым платком пот с лица.

– Мне плохо, – умирающим голосом сказал он.

– Вы не знаете, как вам будет плохо, если вы сейчас же не посвятите нас в свои планы, любезный! Куда вы направляетесь, в Коряжск?

– К тете я! – чуть не плача, повторил Пряжкин.

– Ну и что будем делать с этим... племянником? – безразлично поинтересовался Капустин. – Может, сбросим его с поезда? – Похоже, он уже вошел во вкус.

На лице Пряжкина отразился неописуемый ужас. Его никогда раньше не сбрасывали с поезда, и он не был уверен, что сумеет выдержать процедуру до конца.

– Я обращаюсь в милицию! – пригрозил он жалобным шепотом. – Вы пожалеете!

– Какая милиция! – презрительно сказал Капустин с такими убедительными интонациями, что даже у меня появились сомнения в существовании подобной организации! – Чижев! Ну-ка, покажите ему свой «парабеллум»!

Чижев просиял – он долго ждал этой возможности и теперь не хотел ее упускать. Он быстро сунул руку за пазуху и, выхватив пистолет, молниеносным движением приставил дуло ко лбу Пряжкина.

Я подняла брови – он и в самом деле таскал с собой «парабеллум»! Думаю, вряд ли у него имелось разрешение на ношение подобного агрегата – мы тут здорово рисковали.

Но Пряжкину казалось, что рискует он один. Едва взглянув в темное пистолетное дуло, он сдался и согласился говорить. Я не виню его за слабодушие. Странное дело, но один вид этого черного, идеально круглого отверстия, какое представляет собой срез ствольного канала, производит на неподготовленных людей впечатление просто ошеломляющее. Да и на подготовленных, кстати, тоже.

Ничего особенного Пряжкин нам не рассказал. Все его откровения касались в основном дел минувших, интересовавших нас теперь менее всего.

Оказывается, поймав Пряжкина на довольно крупном хищении, старший Капустин отказал ему в доверии и даже пригрозил отдать под суд. У него имелись документальные под-

тверждения бухгалтерских махинаций, и он запросто мог отправить Пряжкина за колючую проволоку. Однако тот вовремя напомнил хозяину, что посвящен в такие делишки, благодаря которым они могут сесть на нары оба. Капустин-старший поостыл, но тем не менее перевел Пряжкина на менее выгодную должность, а компромат спрятал в сейф. Постоянное ощущение короткого поводка на шее и оскорбленное самолюбие привели Пряжкина в стан врага. Не найдя ничего более подходящего, он выложил Лукьяну все, что знал об алмазном бизнесе. Но он не учел, что ребята из службы безопасности «Тандема» не зря едят свой хлеб. Его довольно быстро вычислили, и он был вынужден спешно бежать – буквально без гроша в кармане. Поэтому со вчерашнего дня он абсолютно ничего не ел, действительно не чистил зубов и вообще был в отчаянии. Все свои надежды он возлагал на лукьяновскую группировку, часть которой выехала в Коряжск. Он полагал, что эти отморозки будут теперь о нем заботиться.

– Наверняка будут! – подтвердил Капустин, делая на лице серьезную мину. – Эти парни обожают заботиться о таких убогих, как вы, Пряжкин!

Бухгалтер совсем сник и безнадежно устался в запотевшее окно. Глаза его были полны слез.

– Что же с ним делать? – задумчиво протянул Капустин. – Лукьяну он уже, конечно, не нужен, но из одного холуйства он может еще здорово нам навредить! А если и правда сбросить его с поезда?

Я чуть усмехнулась, заметив остановившийся взгляд Пряжкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.